

Молот

Автор:

Ольга Дашкова

Молот

Ольга Викторовна Дашкова

Никогда не разговаривайте с незнакомцем, и, уж тем более, не приводите его в свой дом. Даже если нашли его ранним, дождливым утром в лесу и без сознания. Он большой, сильный, наглый, а еще молчаливый. Ему не нужны чувства и отношения. Они совершенно не подходят друг другу, они разные, но... оказывается, у них все-таки есть что-то общее. Содержит нецензурную брань.

Ольга Дашкова

Молот

«Книга не пропагандирует употребление наркотиков, психотропных веществ или каких бы то ни было других запрещенных веществ. Автор категорически осуждает производство, распространение, употребление, рекламу и пропаганду запрещенных веществ. Главная цель книги – показать негативное влияние запрещенных веществ на человека».

Глава 1

Научилась читать по губам,

Понимать по улыбке и взгляду.

Научилась прощать и... прощаться,

Не судьба и не время быть рядом...

– Вы меня слышите? Эй, мужчина! Посмотрите на меня! Посмотрите, не закрывайте глаза. Мужчина! Господи, да что ж это такое?

Девушка стояла коленями прямо на мокрой траве, джинсы сразу пропитались влагой, ноги в кроссовках промокли. Накрытая зеленым дождевиком, она склонилась к лежащему на этой самой мокрой траве мужчине и трясла его за плечо. Мужчина то смотрел на нее, то закрывал глаза, сразу было непонятно, что с ним.

Он был довольно крупный, в промокшей насквозь, клетчатой рубашке и джинсах. На левом запястье – массивные часы с треснувшим стеклом. Ни куртки, ни ветровки рядом не было, хотя на улице и август, но прохладно и сыро, тем более раннее утро. Дождь шел всю ночь, заливая собой лес, все его тропинки, так что невозможно было идти.

– Вы меня слышите? Слышите, что я говорю? Ну, хоть головой мотните или глаза прикройте, что понимаете меня.

Мужчина закрыл глаза, снова их открыл, более осознанно смотря на девушку. Глаза такие темные, почти черные, невозможно было разглядеть зрачки, брови сведены, на лице капли влаги.

– Ну, хорошо, хоть слышите. Что с вами? Вам плохо? Давайте я сбегаю в деревню, позову на помощь, здесь недалеко, я как раз туда шла.

Девушка уже собралась встать с колен, но тут ее схватила за дождевик мужская рука. Она посмотрела на эту руку, потом на ее обладателя, пристальнее заглядывая в его черные глаза. «А может, он маньяк?» – в голове, как вспышка молнии, мелькнула первая мысль. Затем мысли и молнии замелькали чаще, начала себя накручивать, что он извращенец, рецидивист,

насилъник, беглый зэк.

Но об этом нужно было думать раньше, когда она увидела в траве мужские кроссовки, пока шла, опустив голову, перепрыгивая лужи и жалея о том, что не надела резиновые сапоги.

А не тогда, когда она уже подошла и спрашивает, чем помочь. Логика никакой. Мужчина, глядя ей прямо в глаза, отрицательно мотнул головой, словно понимая ее страх и сомнение. Оптимизма это не прибавило, но она не ушла.

Он разжал руку, девушка, стащив с себя большой дождевик, подползла ближе, успев промочить волосы, накрыла им их двоих и низко склонилась к лицу незнакомца.

На его черных ресницах блестели капли дождя, по подбородку, заросшему щетиной, так же стекала вода. Видно было, как он сильно сжимает челюсти от боли, и как кривится его лицо. Дотронулась до лба рукой, стирая воду, отметила для себя, что он не горячий, значит, температуры нет.

– Вы поймите, я не медик, а вам больно, я вижу. Спина, да?

Он снова прикрыл и открыл глаза. Потом поднял руку и указал в сторону, противоположную от деревни, куда она шла с дачи за молоком. Рядом стояла корзина с пустой банкой. В противоположной стороне была трасса, а левее как раз ее дачный поселок «Огонек».

– В той стороне трасса, там ваша машина? Вы пришли оттуда? Вас привезли? У меня десятки вопросов, а вы молчите. Вы можете говорить?

И тут он отрицательно покачал головой.

– Совсем? – все остальные вопросы застряли где-то в горле.

Но он не показал никакого жеста, а начал подниматься. Он хотел что-то сказать, открыл рот, но закрыл. Скрипели зубы, он своими большими ручищами цеплялся за плечи девушки.

Она откинула дождевик, помогала встать, насколько у нее хватало сил. Оказавшись на коленях прямо напротив нее, опустил руки на плечи, больно сжав, уткнувшись лбом в ее лоб, тяжело дышал. По их волосам стекал дождь, одежда промокла насквозь, плащ лежал в луже.

Странно, его лоб не был горячим, она трогала, но от него исходил жар. И еще девушке казалось, что он сейчас сломает ей что-нибудь, так сильно он сжимал пальцы на ее плечах.

– Больно, – совсем тихо прошептала, но он услышал и разжал пальцы. – Надо идти, постараться идти. Вы сможете? До деревни недалеко, там помогут.

Но он снова замотал отрицательно головой, начал вставать, опираясь на девушку, она помогала. Наконец он встал, выпрямился, медленно поднес руку к затылку, погладил голову, склонив ее набок, поднес руку к лицу. На пальцах была кровь, шел дождь, кровь смывалась, а пальцы сжались в большой, словно молот, кулак.

«Интересно, кто так мог его приложить? Такого здорового. Кому жизнь до такой степени не дорога?» – думала девушка, убирая с лица прилипшие пряди волос, стирая с него воду.

– Я, конечно, не медик, но у вас точно сотрясение, и надо к врачу, еще неизвестно, что со спиной. Но по тому, что вы встали, будем надеяться, что позвоночник не поврежден. Еще раз повторяю, я не медик.

Девушка нагнулась, подняла дождевик, стряхнула с него воду и накинула на себя вместе с капюшоном. И тут ее схватили за руку и потянули в сторону трассы через лес. Хватка была такая крепкая, что не вырваться, он тащил ее за руку, другой рукой придерживая свою спину. Шли медленно, мужчину шатало, он часто останавливался, девушке пришлось поддерживать его за талию, стараясь не задевать спину.

– Да послушайте вы меня, как вы не понимаете, вам надо к врачу. Да куда вы меня тащите? Там лес, конечно, путь короче, но все равно лес и мокро, хотя и так уже все промокли. Ну, хорошо, я вам помогу, мы найдем вашу машину, вы с кем-нибудь свяжетесь, позвоните жене, подруге, другу, и за вами приедут.

Он резко остановился, высокий, здоровый, словно скала посреди леса, стал прислушиваться, рыкнул на девушку, та замолчала, но ничего, кроме шума утреннего леса и капель падающего дождя, слышно не было.

Шли недолго, но наконец выйдя на съезд трассы, они ничего так и не увидели. Пустая дорога, лужи, грязь, но была примятая трава прямо у дороги, словно кто-то вильнул на нее с асфальта. Мужчина замер, медленно оглядываясь по сторонам, внимательно рассматривая помятую траву и кусты рядом.

Что-то нашел, быстро посмотрел на девушку, звонко свистнул, так, что та удивилась и вопросительно посмотрела в его черные глаза. Мотнул головой в кусты и поманил рукой, чтобы подошла ближе.

В кустах лежало черное мужское портмоне, она бы его и не увидела, но кое-кто оказался очень глазастый. Подняла, повертела в руках, рассматривая логотип не из дешевых, выбитый на коже. Мужчина хотел было взять его из рук, но девушка быстро отошла, открывая молнию.

– Извини, молчун, но я должна знать, с кем имею дело.

Несколько крупных купюр, чеки, банковские и скидочные карты, бумажки с рецептами, дальше заглядывать она не стала, увидев водительское удостоверение.

– Так, посмотрим, Молотов Артем Петрович, тысяча девятьсот восемьдесят третьего года рождения. Возьмите, мне чужого не надо. И если уж мы всё-таки познакомились, меня зовут Анна, Анна Владимировна.

Мужчина лишь слегка кивнул головой, скривил лицо от боли и забрал портмоне, все еще внимательно разглядывая Аню, повторяя про себя ее имя и привыкая к нему.

Девочка была смелая и забавная, в этом бесформенном плаще походила на гнома, короткие светлые волосы постоянно прилипали к лицу, а в зеленых глазах был страх и желание помочь. Такая точно не перешагнет через человека, которому нужна помощь, и собаку бездомную домой притащит, и котенка у подъезда накормит.

– Ну, раз мы нашли ваши документы и деньги, давайте поймаем попутку, и вас увезут в город. Если вы не хотите в деревню к фельдшеру, поезжайте в город к доктору.

Но на такое предложение Молотов Артем Петрович только отрицательно покачал головой.

Глава 2

– Что значит «нет»? Вам нужна медицинская помощь, чем скорее, тем лучше.

Но мужчина снова покачал отрицательно головой, морщась при этом от боли, сжимая в одной руке свое найденное портмоне, а другой держась за спину. Дождь почти прекратился и лишь слегка противно моросил.

– Как хотите, я не собираюсь вас уговаривать, у меня своих дел полно. У вас есть деньги, вот дорога. Прощайте, – Аня махнула рукой в сторону трассы, развернулась и пошла.

Соображал Артем плохо, очень плохо, а еще мало что помнил. А если начинал напрягать память, пытаюсь хоть как-то восстановить события прошедших суток, то страшно начинала болеть голова, просто раскалывалась на части. Кто же так его приложил? Что вообще он делал в этом лесу? Как сюда попал? Где его машина? А в том, что у него была машина, не было никаких сомнений.

«Да, Артем Петрович, попал ты в странную и темную историю. Какая паскуда это учудила? Надо отлежаться, разобраться во всем и оторвать всем башки к херам».

Злость в нем закипала, ситуация и беспомощность выбешивали, тошнило, кружилась голова, а еще ныла спина.

А девчонка на самом деле забавная, такая дерзкая и уверенная. Так все складно разложила, мол, мое дело крайнее, я предупредила. Иди куда хочешь, делай что хочешь, ей, мол, пофиг, а по глазам видно, что добрая, не прошла мимо убогого

мужика в кустах. А он сам не знал, что делать, потому что хреново было, хоть ложись прямо тут, в этом милом лесочке, и помирай.

Аня развернулась и направилась снова вглубь леса, чтобы забрать корзину, которая осталась лежать в кустах. За молоком ей идти уже не хотелось, ноги промокли основательно, так что вода противно хлюпала в кроссовках, а еще она замерзла, жутко хотелось горячего кофе, теперь уже без сливок и молока, а еще курить, но курить она обещала бросить. Бросишь тут, как же, столько стрессов, а приехала ведь отдохнуть, расслабиться.

Но мужчина не остался стоять на месте, а пошел за ней. Аня это чувствовала, а также представляла, как ему больно и как, наверное, отвратительно кружится голова, а там еще и кровь, ужас. Она притормозила, чуть замедлила шаг, чтобы он был от нее на небольшом расстоянии.

Хотела уже подойти, помочь ему, но, в конце концов, он взрослый мужчина, это его решение. Хочет загнуться в этом лесу, пусть будет так. Да кто она ему? Сестра, жена, подруга? Никто она ему. И надо уже прекращать быть такой сердобольной.

Подобрав корзину, она все-таки оглянулась, он стоял, облокотившись на здоровый ствол сосны, сам такой большой, но такой беспомощный, с болью в глазах.

– Ну, хорошо, черт с вами, – Аня решительно подошла, снимая с себя огромный дождевик и накидывая его ему на плечи. – Пойдемте со мной, вы весь мокрый и трясетесь, не дай бог, еще воспаление легких заработаете. Хотя я не знаю, как вы до сих пор на ногах держитесь–после такого-то удара по голове.

Он криво усмехнулся, а девушка тоже забралась под плащ, прижимаясь к нему и обнимая за талию. Артем повернул голову в ее сторону, макушка девушки была как раз на уровне его подбородка, вдохнул, легкие наполнились запахом свежести, листвы и дождя.

– Пойдемте, здесь недалеко, а то вы скоро рухнете на землю, я вас точно не дотащу. Придётся тогда бежать, просить о помощи, а вы, я так понимаю, не хотите афишировать свое состояние и местонахождение.

Одной рукой она прижимала его к себе, будто сможет удержать, начни он падать, в другой держала корзинку.

«Все-таки она занятная девчонка, а еще сообразительная, – подумал Артем.– Как, она сказала, ее зовут, Анна Владимировна? Значит, Аня, красивое имя. Аня, Анечка, Анюта».

– Плащ накинула в целях конспирации, и зайдём в дом со стороны леса. А то наши бабки соседские, наверное, уже встали и все глаза в окошки проглядели, проклиная погоду и дождь.

Шли снова недолго, какими-то тропинками, но Артем чувствовал, как теряет силы, как они вытекают из него тонкой струйкой, ноги подкашивались, начало тошнить еще больше.

– Эй, эй, ну-ка, не терять сознание. Не смей падать, совсем немного осталось. Давай, родимый, еще немного, вот наш забор, так, аккуратно, заходим. Еще совсем чуть-чуть. Я тебя прошу, только не падай прямо здесь.

Они зашли в калитку за высоким забором, ступая по выложенной декоративным камнем тропинке мимо цветущих ярких цветов, кое-как дошли до одноэтажного кирпичного дома, поднялись на широкое крыльцо. Артем практически не видел, куда его ведут, глаза закрывались, силы уходили. Аня прислонила его к стене, быстро выскочила из-под дождевика, достала из промокших джинсов ключи, открыла дверь.

Как только они прошли веранду и переступили порог дома, мужчина начал оседать на пол, теряя сознание, словно сил у него хватило лишь для того, чтобы дойти до этого дома.

Аня вскрикнула, начала хвататься за него, боясь, что он ударится еще больше головой или спиной. Как могла держала его массивную фигуру, прислоняя к стене. Но он начал оседать, наклонился и, словно куль, упал на пол.

Аня села рядом с ним, печально и взволнованно смотря на такой подарок судьбы. Молодец она, решила отдохнуть, набраться сил, подышать свежим воздухом, вот, мужика в дом привела странного. И зачем она пошла за молоком сегодня? Прямо вот приспичило свеженького парного молочка испробовать.

В доме было сыро из-за погоды и лившего постоянно дождя, дрова с ночи уже прогорели, Аня подложила еще, в печке заплясал веселый огонь, запахло дымом. Сменив свою одежду на сухую, подошла к мужчине и начала раздевать его.

Он был очень тяжелый и крупный, как смогла на том же дождевике перекатила его на коврик. Он так и лежал боком, подложила под голову свернутую старую куртку. Расстегнула мокрую насквозь клетчатую рубашку, стянула ее, отбросила в сторону.

Принялась за обувь и джинсы, стало жарко так, что вспотела. Встав и осмотрев место своего боя, обнаружила, что на мужчине плавки не из дешевых. Людка, напарница ее, хвасталась в том году, что купила своему мужу точно такие же, мол, стоят бешеных денег, но это же фирма.

Но сама его фигура невольно вызывала чувство восхищения: ничего лишнего, мышцы, мускулы, кубики, легкий загар, широкие плечи. На левом бедре, прямо на всей его мускулистой поверхности, татуировка – большой молот с витиеватыми узорами и надписями по всему рисунку.

Картинка была словно с эффектом 3D– молот, наносящий удар, и искры, летевшие от него. Она начала ее рассматривать, коснулась пальцами, провела по узорам, нащупала длинный шрам, который шел по всему бедру под затушеванной черными чернилами татуировкой.

Аня принесла таз с теплой водой, полотенце, аптечку. Обойдя мужчину со спины, осмотрела ее, легко касаясь пальцами. Там был внушительный синяк на половину спины, с кровоподтеком уже почти черного цвета.

– Ну, хоть на спине нет куполов. Спасибо тебе, мил человек, и на этом.

Тщательно смыв кровь с головы, волос и шеи, нащупала шишку, обработала перекисью, для этого пришлось состричь клочок волос. Затем уложила удобней его голову, намазала спину мазью, укрыла пледом и одеялом.

Наконец сварила кофе, забралась на стул с ногами, в маленькой кухне было хорошо видно лежащего на полу мужчину. Его грудь тяжело вздымалась, он

хмурил брови, иногда беспокойно дергал руками и скидывал с себя одеяло.

Глава 3

Так сидеть и смотреть на него, конечно, можно было бесконечно долго, думать и гадать, что же случилось с этим, на первый взгляд, таким сильным мужчиной. Ане не нравилось, что он так беспокойно себя ведет во сне, часто подходила и трогала лоб.

Пока он спал, она успела нагреть воду, замочить и постирать его вещи, сварить суп, полить в парниках помидоры с огурцами, которые так активно выращивала мама ее подруги, на даче у которой она и решила отдохнуть и присмотреть за урожаем, поскольку хозяйка уехала на курорт.

Подруге Дашке не пришлось ее долго уговаривать, Аня сама понимала, что лучше тут, на природе, чем в пыльном городе, хотя вот с погодой она не угадала. Да и не беда, Ане тут нравилось, небольшой, но уютный дом, банька, рядом такие же дачники. С некоторыми из них, особо любопытными бабульками, она успела за эти пять дней познакомиться. Узнала много интересного о других соседях, прогулялась по деревне и на озеро.

– Вадимка, привет, привет, мой милый. Как твои дела? – Аня как раз заходила в дом, когда позвонил сын. Она встала над мужчиной, вытирая руки о спортивные штаны, продолжая разговаривать по телефону. – У тебя все хорошо?

Сын быстро, с восторгом рассказывал ей, как в спортивном лагере хорошо, что у него появилось много новых друзей, какие классные вожатые, что каждый день разные мероприятия, и погода стоит отличная. О том, что кормят очень вкусно, что он соскучился совсем чуть-чуть, обнимает и целует свою мамочку.

Аня заулыбалась, представляя, с какими глазами, полными восторга и азарта, рассказывает Вадим о своем отдыхе, что он наверняка загорел, волосы на солнце стали еще светлее, а на коленках наверняка ссадины.

Вадим безумно любил футбол, бредил им, готов был гонять мяч круглыми сутками. Его хвалил тренер, классная руководительница в школе. Аня же просто любила, нет, не просто, а любовью, возведенной в абсолют, только так мать может любить своего ребенка, считала она.

– Я очень рада, что тебе нравится, а ты не хотел ехать. А у меня тоска жуткая, – Аня снова посмотрела на лежащего мужчину, на его лбу появилась испарина.– Дождь льет третий день, конца и края ему нет, зато есть свежие огурцы и ягоды. Ты когда вернешься, мы обязательно на выходные приедем сюда вдвоем и тетю Дашу вытащим на природу, а там уж и ее мама приедет.

Сын что-то снова начал быстро рассказывать, потом его отвлекли, он распрощался, обещал позвонить и отключился.

Девушка отложила телефон, присела рядом, внимательно рассматривая напряженное лицо мужчины, провела по лбу рукой, он был теплым, но не горячим. Посмотрела на часы, висевшие на стене, он спал уже семь часов.

Надо что-то делать, он не может лежать на полу так долго, да и таблетки надо бы выпить. Аня перевернула всю аптечку и свою сумку, нашла обезболивающее, антибиотики, жаропонижающее, если надо будет что-то еще, можно сходить в деревню, там есть аптека.

– Эй, Артем, вы меня слышите? Очнитесь, нужно встать, лечь на кровать, я вас не подниму.

Он лишь качал головой в разные стороны, при этом морщил лицо, словно от боли, видимо, задевая рану на затылке, что-то мычал.

– Откройте глаза, Артем. Посмотрите на меня.

Аня склонилась совсем близко, к самому лицу, стирая со лба капли пота, нежно касаясь его ладонью, отчего мужчина затих. Провела пальцами по скулам до шеи. Очень мужественное лицо, темные густые брови, лучики морщинок от глаз, ровный нос, плотно сжатые губы, мощная шея.

Артему снился кошмар, точнее, он жил в нем. Пугающий, страшный, такой реалистичный кошмар, от которого он просыпался каждое утро вот уже два года. Черная пустота, скрежет металла, крик, вой, его истошный крик, срывающий горло, а потом звенящая тишина, давящая на уши и лишаящая разума.

Он уловил запах, совсем тонкий, но так глубоко оседающий в легких, запах дождя и мокрой листвы. Его хотелось вдыхать и выдыхать, а еще он слышал, что его звали по имени. Его целую вечность никто не называл так, по имени. С большим трудом разомкнул веки, перед глазами все плыло, но как только взгляд сфокусировался, он увидел лицо девушки.

Свет от окна падал на нее сбоку, светлые короткие, чуть ниже лица, волосы, которые она заправила за ухо, склонив голову. Внимательный и тревожный взгляд зеленых глаз.

«Так вот откуда запах листвы», — мелькнула у Артема мысль.

У девушки были тонкие черты лица, слегка заостренные скулы, вздернутый носик и чуть пухлые губы.

«Где я мог ее видеть?»

Когда девушка наклонилась еще ближе, начала вытирать лоб рукой, дую на него, сложив губы трубочкой, зеленая листва сменилась на запах дождя и свежести.

– Как вы себя чувствуете?

А Артема словно что-то толкнуло к ней навстречу, резко вскинув руку, притянул к себе за шею, впиваясь в ее рот своими пересохшими губами. Это была некая потребность, вот именно сейчас сделать глоток той свежести, что шла от девушки.

Аня дернулась от испуга назад, но сильная рука, которая обхватила шею и затылок, держала крепко. Как только ее коснулись горячие губы мужчины, она замерла, чувствуя, как начинает гореть кожа под его ладонью, как печет губы, как он жадно проталкивается языком в ее рот. Лишь на миг растерялась,

замерла на месте, от удивления охнула, разомкнула губы, и тут же поток горячей лавы обдал все тело с головы до ног.

Это был не поцелуй, а чистая жажда, он пил ее дыхание, сминал, подчинял. А потом Аня вскрикнула оттого, что он прикусил её губу, прошелся по ней языком, нежно засасывая, сжимая волосы на затылке. Такой дикий контраст нежности и боли, по спине ледяной волной прокатился озноб, оседая внизу живота и, что странно, разжигая там огонь.

Артем зарывался пальцами в ее волосы, гладкие, словно шелк, он чувствовал это даже мозолями на ладонях. Чем дольше он ее целовал, тем больше не мог оторваться и насытиться. Даже боль отступила на второй план.

«Такая свежая и вкусная».

Но когда он от нее оторвался и снова взглянул в глаза, в них была не зелень листвы, а чистый гнев. Сразу боль острой иглой кольнула затылок, он сморщился.

– А вот этого не надо было делать. Я вам не девочка, которую можно просто захотеть и взять. Смотрю, вам лучше? Тогда встаньте сами, я устала вас таскать. Нужду справите за дверью, там же умывальник.

Аня говорила холодно, проговаривая каждое слово, смотря на мужчину чуть прищуренными глазами.

«Вот же стервочка, с ядовитым, но таким сладким язычком. Точно, –он ее вспомнил, — девчонка из леса, которая нашла его в кустах. Аня, Анечка, Анюта».

Глава 4

Он всё-таки встал сам, держась за стену, чуть не свернул вешалку, открыл дверь и вышел на веранду. Аня встала вместе с ним, хотела помочь, но вовремя себя одернула, убрав вещи с пола, села на табурет и прижала пальцы к губам.

Странный вышел поцелуй. Стыдно признаться, но в свои почти тридцать лет ее точно так не целовали – требовательно, нагло, он словно нуждался в этом поцелуе. Губы горели под подушечками пальцев, захотелось пить, а еще снова курить.

За стеной послышался жуткий грохот, Аня соскочила с места, распахнула дверь. Мужчина стоял, опершись о стену, видимо, начал падать и задел рукой висящие на ней тазы, а ногами – стоявшие на полу ведра. Лицо было мокрое, Аня подошла, взяла полотенце и начала медленно его вытирать.

– Вот за что мне такое наказание в мой личный, заслуженный отпуск?

Она сама себе задала вопрос, даже не думая, что на него ответит хоть кто-то.

Артем смотрел на девушку сверху вниз, на веранде было светло. Ее короткие волосы слегка растрепались и были волнистыми, при свете они отливали холодом, такая маленькая блондиночка с зелеными глазами. Снова запахло дождем и свежестью.

«Совсем с ума уже сошел. Видимо, сильное сотрясение, что уже чужды запахи, и ведет от этой девчонки. Хотя с таким острым язычком на малолетку она не тянет. Сколько ей, двадцать пять? Двадцать пять – это же уже не малолетка? Если мне тридцать восемь, хотя тут как посмотреть. Никакой косметики, чистое и такое сосредоточенное лицо».

– Пойдемте, надо лечь. Я дам таблетки, те, что у меня есть, обезболивающие, и что-то от сотрясения, я почитала аннотацию, их можно выпить. Держитесь за меня.

«Почему она называет меня на „вы“?»

Аня обхватила его за талию, коснулась руками гладкой кожи, по ее руке сразу побежали мурашки, их табун пронесся по всему телу, оседая где-то внизу живота. А Артем вздрогнул, не сходя с места, повернулся и внимательно посмотрел в Анины глаза.

– Больно, да? Извини, задела спину. Есть мазь, я уже мазала ею. Ты меня понимаешь?

Артем кивнул головой, стряхивая с себя странное наваждение, они зашли в дом, девушка повела его в одну из комнат, усадила на кровать. Сама вышла и появилась вновь – со стаканом воды и таблетками.

– Пей.

Он пил, жадно глотая всю воду, чувствуя, как по спине скользят тонкие пальчики, размазывая прохладный крем по коже. Прикосновения приятные, хотелось закрыть глаза и снова отключиться, но пока не время.

– А теперь ложись, только аккуратней.

Артем лег, чуть приподнимаясь на подушках и следя за девушкой. Она стояла рядом, рассматривая его, потом накрыла тонким одеялом.

– Я читала в твоих правах, когда мы были у трассы и нашли твое портмоне, тебя зовут Молотов Артем, прости, я то на «вы», то на «ты», не знаю, как обращаться.

Мужчина показал два пальца.

– Хорошо, Артем. Меня зовут Анна, ты помнишь, что с тобой случилось? Как ты оказался в лесу? Я не знаю, что делать, может быть, вызвать полицию или скорую, но, когда я тебя вела к себе, ты не хотел видеть ни тех, ни других. Я, если честно, ничего не понимаю, но тебе нужна медицинская помощь.

Артем показал жестом, чтобы она дала ему лист и ручку. Аня ушла, а он огляделся вокруг, голова в лежащем положении совсем не кружилась. Небольшая уютная комната, старая мебель, обычно такая на дачах, выкинуть жалко, а здесь пригодилась. Веселые шторы на окнах, за ним то солнце, то пасмурно. На стене часы и время – восемь, скорее всего, вечера. Он перевел взгляд на свое запястье, посмотрел на треснувший циферблат дорогих часов. Они стояли, маленькая стрелка на цифре два, большая на трех. Значит, два пятнадцать.

«Да, Молотов, попал ты. Почему я ничего не помню? Точнее, помню, но смутно. Клуб, алкоголь, я ведь не собирался в клуб, я ведь решил больше туда ни ногой. Я был в качалке, жутко свело левую икру, ее сводит постоянно. Потом написал Макар, просил заехать в сервис на Высоцкого, поехал. И вот в третьем часу ночи что-то случилось».

– Вот тетрадь и ручка.

Девушка появилась неожиданно, сбив все мысли. В руках не только тетрадка, но и поднос с едой, пахло очень аппетитно.

– Вот, я не знаю, можно ли есть, но тебе точно надо, такому здоровому не помешает.

Аня поставила поднос на стул, отдала Артему тетрадь и ручку. Он тут же начал что-то писать, написал и показал ей. Там был номер телефона и два слова «Дмитрий Грач».

– Хорошо, я позвоню. Он твой друг, он приедет и заберёт тебя?

«Приедет. Расскажи ему все, как было».

– Хорошо. Ты совсем не говоришь?

«Практически».

– Ты болен? Что-то с горлом или связками?

Артем отрицательно покачал головой.

– Ладно, понятно, что ничего непонятно. Ешь, я пока позвоню твоему другу.

Аня подала ему тарелку и ложку, но Артем так и не смог приподняться, ложка упала на постель. Аня села рядом, подняла ее и принялась кормить этого здорового, но такого беспомощного мужчину.

Артем послушно открывал рот, суп был простым, но очень вкусным, оказывается, он очень голоден. Аня его кормила, а он наблюдал, как она старается не смотреть ему в глаза, как часто дышит, как вздымается небольшая грудь под обтягивающей футболкой. Как пульсирует венка на шее под тонкой белой кожей. Как она прикусывает нижнюю губу, и как дрожат ресницы.

«Она что, боится меня?»

Артем поймал ее руку, останавливая. Снова написал что-то на листе и показал ей.

«Не бойся меня».

– Я не боюсь, с чего ты взял? – она ответила быстро, вскинула голову и с вызовом посмотрела в его темные глаза.

Он чуть улыбнулся, но не поверил ее словам. Суп был доеден, Аня ушла, лишь на кухне, поставив тарелку на стол, вздохнула, вытерла мокрые ладони об себя. Нет, она не боится его, она боится себя. Боится своей реакции на этого мужчину, Артем так странно ее рассматривал, хотелось встать и уйти. А еще хотелось посмотреть прямо в его глаза, дерзко и нагло, вроде получилось, но почему-то самой себе от этого смешно.

А это все потому, что давно не было мужика, очень давно. А тут-вот он, рядом, полуголый, гора мускулов, центнер тестостерона. Нет, Аня не считала себя озабоченной и похотливой, к выбору мужчин подходила осознанно, никаких случайных связей, никакого секса по пьяни и быстрых перепихонов. Она, в первую очередь, мать, что подумает сын, узнай, что она так себя ведет, пусть даже и для здоровья меняя мужиков.

Год назад намечался один роман, как она думала, основательный и долгий, отношения, так сказать. Даже к гинекологу ходила, спираль поставила, ну как же, один партнер, доверие, но о детях думать пока рано. Партнер, увы, не оправдал доверия, долгая история, да и мерзкая, не хочется вспоминать.

Он написал «не бойся меня», она не боится, странно, но не боится. Даже там, в лесу, в ней было больше смелости и решительности, чем сейчас. Достала телефон, прошла в комнату, взяла тетрадку. Артем лежал на спине, глаза

закрыты, на лбу снова испарина, тяжело дышит. Аня набрала написанный им номер, услышала длинные гудки, но ей так никто и не ответил.

- Ну, давай же, отвечай.

- Слушаю, Грач, - только с пятого раза ей ответил усталый мужской голос.

Глава 5

- Я вас слушаю, говорите.

Мужчина на том конце трубки говорил тихо, но требовательно. Аня слегка растерялась, не зная, как начать.

- Здравствуйте, меня зовут Аня. Я звоню по поручению вашего знакомого, Артема Молотова.

- Что с ним? - голос сразу переменялся, слышно было, что мужчина взволнован.

- С ним все хорошо, относительно хорошо.

- Где он?

- Дачный поселок «Огонек», это двадцать пятый километр от города, около деревни «Огнево», там табличка на трассе, сверните в лес, я вас встречу.

- Скоро буду.

Вот так все просто, два вопроса - и он скоро будет. Хороший, наверное, друг, что срывается по первому звонку и летит спасать - неважно куда, и сколько на часах времени. А на ее часах уже было девять вечера. Аня снова зашла в комнату, где лежал Артем. Кровать явно была ему мала, он занимал почти все пространство, широко раскинув руки и снова сбросив с себя одеяло.

Аня подошла ближе, света было мало, но она не стала включать лампу, чтобы не тревожить мужчину. Снова начала вглядываться в его лицо, оно было напряжено, он хмурился, сжимал кулаки. Девушка потрогала лоб, он был горячим, быстро сбегала на кухню, намочила полотенце холодной водой, приложила к горячей коже.

- Что же такое с тобой случилось?

Этот вопрос снова был задан самой себе, наклонилась к самой груди, приложила ухо, чтобы послушать, есть хрипы или нет. Она так делала, когда Вадим болел. Но ничего не услышала, только почувствовала, как на ее голову очень тихо легла большая ладонь. Артем притих, его рука нежно гладила волосы девушки, перебирая короткие пряди между пальцами.

Аня сама замерла, боясь пошевелиться. Странные чувства накрыли ее, ощущение спокойствия и чего-то правильного. Не хотелось ни о чем думать, анализировать, делать выводы, она посидела так некоторое время, но потом тихо освободила свои волосы из рук мужчины, встала, накрыла его одеялом и вышла.

Машина свернула именно туда, куда надо, большой белый внедорожник был хорошо виден в темноте, в свете фар проезжающих машин. Аня стояла под деревом, как раз у обочины, все в том же дождевике, но уже в резиновых сапогах. Она махнула рукой, вышла на съезд, машина остановилась, около водителя опустилось стекло.

- Вы Дмитрий?

- Да, садитесь.

Аня обошла машину, сняла дождевик, чтоб не намочить сиденья, открыла заднюю дверь и забралась в салон. Никогда не садилась на переднее сиденье с незнакомыми людьми, имела такую странную фобию, особенно в такси или к клиентам, что предлагали подвезти. Тут уже опасения не только за свою жизнь, у нее ребенок, она за него отвечает. Как он будет без нее, с кем останется, если, не дай бог, что случится?

- Вы Аня?

- Да, это я вам звонила. Артем написал номер. Сейчас направо, а потом прямо до перекрестка.

Аня показывала дорогу к дому, но выбрала ту, что идет мимо леса, а не по центральной улице. Незачем всем соседям знать, что за странная особа, к которой приезжают такие автомобили, гостит у порядочной женщины.

- Я нашла его в лесу рано утром, лежал на мокрой траве. На затылке кровь, обработала рану, на спине большой синяк, словно ударили чем-то, может, палкой или битой. Да, вот сейчас еще раз направо, крайний дом.

- Он что-то говорил?

- Нет, ничего. Вообще ничего, только показывал и писал на бумаге.

Мужчина не поворачивался к ней, сосредоточенно смотрел на темную дорогу, в свете редких фонарей нельзя было ничего разглядеть. Аня не знала, что еще ему сообщить, сам вопросов он больше не задавал.

- Да, вот этот дом, можете оставить машину прямо здесь, дорога тупиковая, дальше лес. Пойдемте.

Аня вышла из машины первая, открыла калитку и, не дожидаясь своего спутника, пошла к дому. Дима шел сзади, неся большой медицинский чемодан, смотрел под ноги, о чем-то сосредоточенно думал.

- Проходите, ваш друг там, в комнате, когда я уходила, он спал.

Мужчина быстро прошел вперед, у дверей остановился, повернулся и впервые за все время дороги посмотрел на Аню. Он был в очках, серые внимательные и уставшие глаза, русые взлохмаченные волосы, под пиджаком медицинская рубашка темно-синего цвета. Очень приятное лицо, между бровей глубокие морщинки, он улыбнулся, сразу стал моложе на несколько лет.

- Спасибо, мне нужно помыть руки. Где это можно сделать?

- Это надо вернуться обратно, умывальник на веранде.

- Я найду, не провожайте.

Он поставил медицинский чемодан на пол и ушел. Аня осталась у дверей спальни, смотрела на этот чемодан и думала о том, как странно складывается ее отпуск. Вот уже даже не в ее доме двое посторонних мужчин, один точно врач, а другой вообще очень странный, с кучей загадок.

Что будет дальше - и подумать страшно, хотя, может, ничего и не будет. Артема сейчас осмотрят, увезут, и закончатся ее приключения, это, наверное, будет к лучшему, но, что странно, ей стало даже обидно.

- Аня, позвольте, - Дмитрий поднял чемодан, в комнату они вошли вместе, девушка включила ночник.

- Давно он спит?

- Часа два, и еще лоб был горячий, кажется, у него поднялась температура.

- Сейчас посмотрим. Не волнуйтесь, Аня, все с ним будет хорошо, Артем и не из таких передряг выбирался.

- Да я и не волнуюсь, я совершенно не знаю его. Я же вам говорю - нашла его в лесу. Вы что, мне не верите?

- Я вам верю, Аня, не волнуйтесь.

Дмитрий принялся осматривать Артема, Аня не стала мешать и вышла, закрыв дверь. И с чего она так завелась, что-то доказывая этому мужчине? Ушла на кухню, стала нервно вытирать стол, переставлять посуду, зачем-то залезла в холодильник, включила чайник. Поймала себя на том, что постоянно прислушивается к звукам, доносящимся из комнаты, и волнуется.

- Эй, Молот, очнись.

Артем с трудом открыл глаза, голова была словно чугунная, перед глазами все плыло. Он приподнялся и посмотрел на Диму.

– Очень хреново выглядишь.

Артем снова откинулся на подушки, прикрывая глаза рукой.

– Давай посмотрим, что с тобой случилось, друг, раз уж я здесь, у тебя. Примчался, как только мне позвонили, мне даже самому интересно, кто же уработал Молота.

Глава 6

Слишком долго никто не выходил из комнаты. Аня уже успела несколько раз вскипятить чайник, налить чаю, вылить остывший и снова налить. За окном давно стемнело, но она не стала включать верхний свет, в углу кухни горел только торшер. А ее мысли были только об Артеме, его состоянии и положении. Как и почему он оказался утром в лесу? Почему так странно молчит и ничего не говорит?

Казалось бы: чужой человек, она совершенно его не знает, но не перестает волноваться и переживать за него. Потянулась за сигаретами на подоконнике, отдернула руку, помыла кружку и решила сварить кофе. Но как только взяла турку, дверь комнаты открылась, и вышел Дмитрий.

– Угостите кофе?

– Да, конечно, присаживайтесь. Я сейчас. Как ваш друг?

– Сносно, небольшое сотрясение, ушиб, переломов нет. На голове гематома от удара чем-то тяжелым, нужен покой и постельный режим. Думаю, дней пять-семь, и он полностью придет в форму. Меня волнует повышение температуры, боюсь, что может быть воспаление легких. Я поставил уколы, надеюсь, того, что у меня было с собой, будет достаточно.

– Вы его заберете?

– Нет, он дал понять, что останется здесь.

– В каком смысле?

– В прямом, помотал головой и отвернулся. Я ему предлагал уехать.

– Так что, мне теперь с ним возиться? У меня отпуск, я приехала отдыхать, а не ухаживать за посторонним мужиком.

Аня была в недоумении, одно дело – не пройти мимо нуждающегося в помощи человека, но совсем другое – приютить его у себя, выполняя функции сиделки. Причем у этого далеко не бедного человека, судя по нижнему белью и брендам на одежде, есть наверняка свой дом и средства, чтобы обеспечить необходимый уход.

Кофе был готов, Аня налила Дмитрию большую чашку и немного себе. Выставила на стол печенье и бутерброды. Мужчина, уставшими глазами наблюдая за девушкой, потер лоб и взъерошил волосы.

– И почему Молотову так всегда везет? – пробубнил себе под нос.

– Вы о чем? – девушка не поняла, о чем он говорит.

– Аня, я понимаю, что нахождение постороннего человека в доме в тягость. К тому же мужчины, но уверяю, Артем не причинит вам никакого вреда. Я очень хорошо заплачу, чтобы вы за ним присмотрели. В спальне оставил все лекарства, таблетки, уколы.

– Вы доктор?

– Да, доктор.

– И вы полагаете, что Артему будет достаточно того, что вы ему оставили, и моего присмотра?

– Вполне. Так что, вы согласны? Я не обманываю, я правда хорошо заплачу, и он не доставит особых хлопот.

Аня думала, внимательно рассматривая сидящего перед ней мужчину. Очень приятное интеллигентное лицо, усталый взгляд серых глаз, медицинская форменная рубашка, русая отросшая челка, падающая на глаза. Дмитрий вызывал доверие, в нем не было фальши и притворства.

Он искренне переживает за друга и хочет ему помочь, но, видимо, Артем очень своенравный человек. Из тех, которые делают и берут, что хотят и когда хотят. Знает Аня таких, точнее, знала.

За что она цепляется? За деньги? Или это желание помочь? Деньги им с Вадимкой никогда не помешают, надо платить за секцию, скоро в школу, и придется покупать много всего для ее так внезапно подросткового сына. Она планировала взять больше смен в салоне после отпуска, работать и в выходные на дому, Аня никогда не боялась работы, уставала, да, но она знала, ради кого старается.

– Хорошо, я присмотрю за ним. Но только пять дней, семь – максимум. Потом я все равно уезжаю в город, у меня работа и... – она хотела добавить про сына, что он возвращается из спортивного лагеря, но не стала, незачем незнакомым людям знать о нем.

– Спасибо, Аня, вы меня очень выручили и Артема тоже.

– Я хочу знать, почему он не говорит? Меня это очень напрягает, вы поймите, я не параноик, но, когда с вами рядом находится человек, который совсем не говорит, при этом не является немым, это очень странно.

Дмитрий опустил голову, как-то тяжело вздохнул, покрутил в руках чашкус недопитым кофе.

– Психогенный мутизм, это когда человек на фоне пережитой психологической травмы теряет способность говорить. Это достаточно редкое состояние, человек, у которого никогда не было проблем с речью, вдруг замолкает. Он все слышит, понимает, может шевелить губами, но не говорит.

- Это как-то лечится? - Аня была потрясена.

- Да, с помощью определенной психотерапевтической техники, затем требуется наблюдение и работа по коррекции отношения к перенесенной психотравме.

- А что это была за травма? Я просто не понимаю, что могло произойти со здоровым сильным мужчиной, чтобы он оказался в таком состоянии.

- Аня, поймите, я не могу рассказать вам всего, это просто не моя история и жизнь. Но поверьте, если вы опасаетесь за свою безопасность, Артём вас не обидит. Он может навредить себе, но женщине - никогда. К тому же такой красивой.

- Благодарю, - Аня спрятала улыбку.- Хорошо, я вам верю и присмотрю за вашим другом.

- Спасибо, вы прекрасная девушка.

- Вы совсем меня не знаете, может быть, я соблазню вашего друга и заставлю на себе жениться, - Ане с чего-то захотелось так пошутить.

- Хотел бы я на это посмотреть.

- Шучу, конечно.

Повисла тишина, на холодильнике тикали часы, показывая полночь. За окном было темно, даже фонарь не горел у калитки.

- Может быть, вы останетесь? Поздно, и дорога плохая, снова шел дождь. Места немного, но поместимся как-нибудь.

- Спасибо, но нет, не могу. Утром важная встреча, надо переодеться в так ненавистный мне костюм и изображать бизнесмена.

Мужчина встал, поднял с пола свой медицинский чемодан, накинул ветровку, достал портмоне, вынул несколько крупных купюр и положил на стол. Аня наблюдала за ним, потом пошла провожать, и уже у самой машины Дима

внезапно остановился и обернулся.

– И еще, прошу вас, Аня, не влюбляйтесь в Молотова. Вы хорошая девушка, очень хорошая, я вижу, не хочу, чтобы вам было больно.

Аня в недоумении посмотрела на Диму, решив, что тот шутит, но на его лице даже не было улыбки.

Глава 7

Как все странно складывается, не отпуск выходит, а целый детектив. Загадочный мужчина, невесть откуда взявшийся в лесу, даже если он что-то знает и помнит, все равно не скажет. Еще эта странная психологическая травма, можно только предполагать, что там могло у него в жизни произойти. Наверняка что-то нехорошее, даже его друг не стал рассказывать. И правда, это ведь не его тайна и жизнь.

Аня заглянула в комнату к теперь уже своему подопечному. Артем спал, подошла ближе, потрогала лоб, он был не горячий, наверное, лекарства начали действовать. Провела рукой по волосам, разглядывая в темноте лицо спящего мужчины. Можно сказать, что он красивый– такой мужской красотой. Резкие черты лица, даже во сне хмурит брови, она помнит его взгляд, такой с прищуром, оценивающий.

Девчонки наверняка ложатся штабелями у его ног. Как тут не лечь, все при нем: и фигура, и сила, и наглости не занимать. Но она далеко не девчонка, и опасения того же загадочного доктора Дмитрия Грача напрасны. Она не влюбляется, больше не влюбляется.

Нет, Аня не феминистка, и мужики не все козлы, такую политику она не поддерживает. У всех есть свои недостатки, пороки и слабости. Но, в ее понимании, мужчина должен всегда и в любой ситуации оставаться мужчиной, несмотря на статус и положение, и неважно, сколько денег у него в кармане, и что он может себе позволить.

Не надо доставать звезд с небес и усыпать путь лепестками роз, обещать того, чего не исполнишь. Взял ответственность – выполняй, дал слово – держи его. Хотя у Ани было слишком мало жизненного опыта общения с мужчинами – именно в отношениях, точнее, не было совсем.

Ей не изменяли, от нее не уходили к другой женщине, она не устраивала скандалы из-за позднего прихода домой мужа в нетрезвом виде или из-за того, что он не принес в дом всю зарплату. Может быть, как раз именно из этого всего и состоит семейная жизнь: скандалы, примирения, компромиссы?

А все потому, что она никогда не была замужем и не жила с мужчиной. И судить, вешать ярлыки по рассказам коллег, знакомых и подруг о том, какие они, все эти мужики – сволочи, бабники, негодяи, она не хотела.

Ну и что, что ей не повезло, а может, наоборот, повезло, и бог уберег от таких нервных расстройств и переживаний. Как любая нормальная женщина, она хотела семью, отца для своего сына, потому что ему нужен рядом пример, хороший пример, который научит, поможет, подскажет. Хотела крепкую семью, любимого мужчину, родить еще ребенка. Хотела... да много чего хотела, но все как-то не складывалось. Или она плохо пыталась, старалась, искала. Совсем не искала.

«Интересно, а какой этот Артём Молотов на самом деле?» – думала Аня и начала представлять, но совсем ничего не выходило. Его образ, такого мальчиша-плохиша, не вязался с образом примерного семьянина. Катающего по парку коляску или забивающего гвоздь в стену, чтобы повесить картину. Хотя вот как раз забивающим, но кого-то до смерти, она вполне себе могла его представить.

Мужчина пошевелился, она убрала руку, быстро вышла, не закрывая дверь. Ушла спать в маленькую комнату, на раскладное кресло. Долго ворочалась, сон не шел, в голову лезли разные мысли. Некстати вспомнила прошлое, на душе стало гадко, но, взяв в руки телефон, открыв галерею, начала листать фотографии сына. Вот она, ее любовь, гордость и радость, и никто больше не нужен ей для счастья.

Проснулась внезапно, от грохота и криков. Резко села, прислушиваясь. Истошно кричала женщина, звала ее по имени. Как была, в трусиках и майке, выбежала в коридор, потом на веранду. Картина, открывшаяся ее глазам, была

презабавнейшая.

Милая бабулька, соседка по даче, Мария Степановна, сидела на крыльце открытой веранды, держась за сердце, и с испугом смотрела на стоявшего у умывальника Артема. Внушительная фигура мужчины в одних плавках, с рельефными мышцами и всеми полагающимися кубиками на плоском животе, выглядела, мягко говоря, странно на фоне скромного дачного интерьера.

Женщина тяжело дышала, глотая ртом воздух, словно рыба, выброшенная на берег. Держалась за сердце, а Артем, заметив появление девушки, перевел свой взгляд на нее и начал рассматривать, как букашку под стеклом. Голые длинные ноги, розовые трусики, белая майка и заострившиеся от холода соски, ничего не осталось незамеченным.

«А блондиночка – красотка. Аня, Анечка, Анюта. Она пахла дождем и была такая вкусная, когда я ее целовал».

Мысли в голове Артема понеслись одна за одной, он представил, что у нее под этими милыми розовыми трусиками и какая на ощупь ее грудь. Даже ладонь закололо, так хотелось проверить и потрогать.

– Мария Степановна, вам плохо? Что случилось?

Аня подошла к женщине, присела на корточки и взяла ее за руку.

– Анечка, я так испугалась, ты не представляешь, думала, богу душу отдам. Я ведь зашла, хотела молочка тебе дать, внучок в деревню утром рано на велосипеде ездил, молочка купил. Захожу, думаю, поставлю на веранде, чтоб не будить тебя, а тут вот это.

Она показывает рукой в сторону Артема, который так и продолжает невозмутимо разглядывать Аню, что она чувствует, как кожа под его взглядом покрывается мурашками. Девушка оборачивается, грозно смотрит, ну, неудивительно, что бабулька схватилась за сердце: здоровый незнакомый мужик, почти голый, с татухой на половину ноги.

– Мария Степановна, ну чего вы так испугались, это брат мой, двоюродный. Вчера приехал, поздно уже было.

– А, да, да, вчера была незнакомая машина, стояла тут, у лесочка. Я еще подумала– к кому это, в такой час и в такую погоду?

– Ну вот, а это ко мне. Братишка приехал, Артем зовут.

Артем свел брови, с недовольством глядя на женщин и слушая их разговор. Мария Степановна смотрела с опаской и недоверием, Аня проклинала все на свете, а именно– себя за то, что не закрыла дверь. А еще своего подопечного, что он выперся в ненужное время, видимо, справить нужду. Интересно, соседка именно за этим занятием его застала?

– Господи, страху-то натерпелась. Я ему говорю: «Вы кто?», а он молчит и смотрит так странно.

– Так он больной у нас, малость того, ну, вы понимаете, – Аня слегка крутит у виска, показывая, какой именно Артем. – Но вы не переживайте, он не буйный, тихий очень, вот на воздух вывезли, подышать.

Позади раздался грохот, Мария Степановна ойкнула, снова хватаясь за сердце. Аня медленно обернулась, на полу валялся висевший до того на стене таз, Артем, склонив голову, впился в нее взглядом, сопел, раздувая ноздри. На Аню его сопение не произвело никакого впечатления.

– Артем, братишка, зайди, пожалуйста, в дом. Я сейчас договорю с милой Марией Степановной, и будем завтракать. Пожалуйста.

«Стервочка какая. Вот же что учудила. Братишка, блять».

Артем развернулся и зашёл в дом, как его и просили. Пройдя на кухню, зачерпнул из ведра кружкой воду и начал жадно пить. За окном был лес, по небу плыли облака, чей-то рыжий кот гулял по забору. Голова уже болела не так сильно, как вчера, и практически не кружилась, если не делать резких движений.

«Вчера приезжал Грач, накачал меня всем чем можно, молодец, умеет людей на ноги ставить да с того света вытаскивать. Не спрашивая, надо это людям или нет. Ладно, не об этом сейчас, да и думать о делах не получается, мысли путаются, девчонка эта... А мне надо отлежаться, отсидеться и подумать, хорошо подумать. Написать на листочке черной пастой имена кандидатов в трупы из тех, кто меня мог уработать и прикрыть веточками в том милом лесочке, что за окном».

Глава 8

– Соседка ушла, можешь дальше принимать водные процедуры.

Аня зашла на кухню, поставила на стол банку с парным молоком, развернулась и, мелькая розовыми трусиками и обтянутой ими круглой попкой, удалилась в соседнюю комнату.

– И еще – твои вещи лежат в комнате, я их постирала. Не все же тебе ходить полуголым и смущать пожилых женщин, – крикнула уже на ходу.

Она переодевалась, сняв майку за открытой створкой шкафа, искала в сложенных вещах футболку и не заметила, как Артем подошёл сзади. Развернувшись, вздрогнула, прикрыла грудь руками.

– Твои вещи в той комнате, не в этой. И что за привычка у тебя всех пугать?

Девушка отвела взгляд, чтобы не пялиться на него так, как это делал он, пристально рассматривая ее. Но он стоял слишком близко, загорая собой все пространство, совсем рядом широкая грудь, чуть загорелая кожа, ниже выпуклые мышцы пресса и дорожка темных волос.

– Не надо на меня так смотреть. И не заходи в эту комнату без спроса, хотя бы стучи.

Аня все еще стояла перед мужчиной в одних трусиках, а он, склонив голову набок, сканировал взглядом черных глаз ее фигуру.

«Такая маленькая, миленькая, а настоящая язва эта блондиночка».

– Ты все рассмотрел? Может быть, выйдешь и дашь мне одеться?

Он не уходил, потому что ему нравилось на нее смотреть, хотелось протянуть руку и коснуться кожи, узнать, какая она на ощупь. Мягкая, гладкая или бархатная? Он видит, как венка на ее шее часто бьется от волнения, как девушка быстро облизала губы и сильнее сжала руки на груди.

Ему нравилось ее злить, он это понял именно сейчас. Такая строптивая дикая кошечка, показывает коготки и хочет поцарапать.

«Интересно, она царапается во время секса?»

Артем склоняет голову набок и еще пристальнее рассматривает девушку.

– Ты что, возбуждаешься?

Аня смотрела на пах мужчины и отчетливо видела его начинающий подниматься член. Ну, вообще-то, она не малолетняя девочка и может отличить визуально, стоит у мужика или не стоит. Она поднимает широко открытые глаза на Артема, а тот лишь ухмыляется, поправляя свой член через белье. Вот за эту ухмылку хочется врезать по его наглой морде.

– Вот же скотина какая! Животное похотливое!

Аня хватает с полки первые попавшиеся вещи и начинает кидать ими в невозмутимого Артема, который даже не двигается с места, а лишь еще больше начинает пялиться на открытую грудь.

Она маленькая, аккуратная, как и вся девушка, с яркими торчащими сосками. Аня быстро прикрывается футболкой, что держит в руках, пыхтит и краснеет, волосы падают ей на глаза, она сдувает их. Но не успевает сказать ничего гневного, как чувствует на своей талии мужские руки, а на своих губах – губы Артема.

«Кошка, такая дикая кошечка и такая свежая».

Все происходит так быстро, что мозг не успевает анализировать происходящее, а тело – дать отпор. Горячие губы мужчины требовательно и настойчиво целуют ее, подчиняя, не давая шанса на сопротивление.

Жадно.

Жарко.

Не хватает воздуха.

Артем сильнее прижимает к себе, она чувствует животом стопроцентный стояк. Отвечает на поцелуй, действуя на каких-то инстинктах, хватается за шею, держится, чтобы не упасть, потому что ноги подкашиваются.

«Молотов, остановись. Черт, не могу, уже не могу. Если бы она не ответила, оттолкнула, ушел бы. А так – не могу. Прости, кошка».

Футболка летит на пол, грудь накрывают мужские руки, острые соски царапают ладони. Кусает шею, сильно сжимая грудь. Подхватывает под ягодицы, разворачивает, не отрываясь от шеи, сильно засасывая губами нежную кожу.

«Охуительно вкусная кошечка. Даже голова кружится. Или это сотряс? А ведь даже еще ничего не было».

Первая попавшаяся плоская поверхность – письменный стол, расшатанный и старый. Аня хватается за плечи, царапая, тянет мужчину на себя, плотнее обхватывая ногами мужской торс. Рука сразу забирается под белье, накрывает раскрытую плоть. Скользит по влажным складочкам.

«Черт».

- А-а-а-ах... боже... а-а-а-а-а...

Слишком остро, слишком хорошо, покалывает кончики пальцев, Аня стонет, раскрываясь еще сильнее. Чистый голод, без примеси фальши и игры. Артем

молчит, только целует, снова кусает до боли шею и плечо. Его руки везде, сжимают ребра, шершавые ладони царапают кожу, треск ткани. Поцелуй, насилующий рот, и резкий толчок вперед. Боль пронзает тело, разливаясь по венам чистым удовольствием.

«Дьявол, вот это девочка, даже дышать трудно».

У Артема темнеет в глазах, ведет куда-то в сторону. Чувствует острые ногти на своих плечах, прижимает колени Ани, фиксируя их в одном положении, смотрит вниз, как его член резко входит в узкое лоно. Женский стон, их частое дыхание.

– Артем, сильнее... а-а-а-а...

Их глаза встречаются. Рука на затылке до боли сжимает волосы. У Ани припухшие губы, в зеленых глазах плещется удовольствие и просьба. Срывается, несколько толчков. Глубоко. Сильно. До боли. До крика. Кончает.

«Черт, так быстро».

Аня пульсирует прямо на нем, поймав свой оргазм, сжимает мышцами его член, кончает одновременно с Артемом. Горячо. Влажно. Срывает голос, царапает плечи уже до крови.

«Царапается, кошка, я так и знал. Сука, чуть сердце не остановилось, давно меня так не крыло, постоянно эти бляди и механический трах. Гадство, даже резинку не надел, так накатило, словно подросток».

Оба отходят долго, Аня прижалась к мокрой от пота мужской груди. Чувствует свой рваный пульс, все никак не может выровнять дыхание. Потрясение. Шок. Ебаный пиздец, вот как называется то, что сейчас произошло.

Артем медленно выходит из нее, смотрит, как подрагивает его член, покрытый ее влагой и его семенем. Аня прикрывает глаза, хочет отвернуться. Но ее снова целуют в искусанные губы, заправляют за ухо растрепанные пряди волос. Артем смотрит, ловит ее взгляд, чуть склоняет голову, ухмыляется такой наглой улыбкой.

Глаза девушки темнеют в один миг, вот только что в них плескалась яркая зелень, а теперь грозовое небо. Звонкая пощечина обжигает его лицо.

Глава 9

«Что, мать вашу, это сейчас было?» – Аня в десятый раз задавала себе этот вопрос, и в тот же десятый раз сознание отвечало, что это был оргазм. Самый натуральный, крышесносный, сука, мать его, оргазм. А, и да, это был секс, спонтанный, неожиданный, ломающий барьеры и лишающий воли секс. А нужно, на минуточку, заметить, ей не восемнадцать лет, а гораздо больше. Хотя при чем тут ее возраст и оргазм, а точнее, секс, Аня не могла связать.

Не то, чтобы у Ани не было никогда секса, конечно, он был, и не раз, и не с одним мужчиной, она всё-таки свободная женщина, молодая, полная сил и энергии. Но то, что было с теми мужчинами, в сравнении с тем, что сейчас было с Артемом Молотовым на старом расшатанном столе, сексом назвать трудно.

И Артем был еще не совсем, мягко говоря, в форме, если учесть его вчерашнее состояние, хорошую такую шишку на затылке и головокружение. Если он с сотрясом так может, хочется сказать словом ее напарницы Людки «присунуть», то какой он в полной своей форме? Самое главное – не думать об этом и не представлять.

Аня сидела в нетопленной бане, умывалась из таза успевшей остыть со вчерашнего вечера водой. Но это было как раз то, что надо. После этого секса она находилась в каком-то потрясении, она четко помнит, как вlepила Артему звонкую пощечину, отчего ладонь до сих пор горела. Она хотела его оттолкнуть, хоть чем-то прикрыться и выйти из комнаты, чтобы только не видеть его черные глаза, но он вышел первый.

И вот она, почти тридцатилетняя женщина, которая отметит свой юбилей в следующем году, сидит в бане и понимает, что мало ее трахали в жизни, а чтоб так – никогда. Все эти байки и рассказы своих знакомых и подружек о том, как они встретили шикарных мужиков, и у них случился с ними фантастический секс, она относила как раз именно к разряду баек и рассказов.

И рассказывались они именно для того, чтобы подруги завидовали. Аня не завидовала, потому что о таких мужиках и таком сексе пишут только в фантастических любовных романах. Аня не любила фантастику, но любовные романы иногда почитывала. Мол, у него член был длиной почти с канцелярскую линейку, и я сбилась считать свои оргазмы- фу, ну что за сказки!

И вот сейчас этот самый сказочный мужчина где-то в доме и наверняка что-то сломал. Потому что, когда она влепила ему ту пощечину, на его лице долю секунды было искреннее недоумение, потому что мужик реально не понял, за что ему прилетело. Тут же женщина должна была кланяться в ноги и целовать руки за то, что ей «присунули» – спасибо, Люда, за пополнение моего словарного запаса– и благодарить за оргазм.

С лица сразу слезла эта противная ухмылка, глаза метнули молнии, полоснули по живому так, что у девушки скрутило желудок. Он демонстративно, глядя ей в глаза, заправил свой член в фирменные боксеры, развернулся, вышел, с силой хлопнув дверью.

Вот если бы не его эта похабная мерзкая улыбочка, которая растеклась по физиономии... Такая, мол, ну что, детка, недолго ты ломалась? Стало так противно, рука сама поднялась и замахнулась, хотя до этого мужиков она лупила редко, а тут – словно моська на слона, а ведь он мог и ответить. Хотя доктор Грач сказал, что Артем никогда не обидит женщину, ну, кто его знает, какие изменения произошли в его мозгу после удара по голове и ночевки в лесу.

Аня снова плеснула на лицо воды из таза, затем на тело, скользя руками по коже. Пальцами задевала соски, обвела их вокруг, чуть сжимая. Вода полилась на живот и между ног, но именно сейчас эта простая ежедневная процедура вызывала такую острую реакцию в ее теле. Между ног было влажно, ее соки, смешанные со спермой мужчины, стекали по бедрам.

Аня накрыла набухшие половые губы, провела по ним, чуть раздвигая. Нащупала клитор, закружила по нему, натирая пальчиками, шире раздвигая ноги, откинулась на деревянной лавке к стене. Мышечная память помнила, как ее лоно растягивал член, как насаживал на себя, вбивался до упора. Как она сама сжимала его, пульсировала, текла, кричала и задыхалась. Аня прикрыла рот ладонью, когда начала громко стонать, кончая, лаская себя.

– Твою же мать, надо пустырника выпить.

Аня легла на лавку, прикрывая глаза, стараясь вновь выровнять дыхание и успокоить сердце. Когда она наконец закончила все свои водные процедуры и зашла на веранду, вытирая на ходу волосы, то увидела странную картину, как Артем стоит на карачках и блюет в ведро.

Откинув полотенце, быстро подошла, провела рукой по спине, присела рядом.

– Господи, Артем, что с тобой? Опять плохо, да? Нужен покой и постельный режим, ты же должен это понимать, ты же взрослый мужик.

«Сука, почему так хреново-то?»

– Вставай, умоешься, и пойдём в кроватку. Посмотрим, что там доктор прописал.

«В кроватку – это лучше, с такой-то кошечкой, да в теплой кроватке. Молотов, о чем ты думаешь?»

Умывшись, дойдя до постели, упав на нее, Артем закрыл глаза, прикрыв их рукой. Голова кружилась даже лежа, но уже не тошнило. Он помнил, как его повело первый раз, когда он усадил Аню на стол, как трогал ее, как кусал шею и потом резким движением заполнил ее собой. Какая она узкая, горячая, словно бархатная внутри. Его вело натурально, и это был не сотряс – или сотряс?

Его отчего-то тянуло к этой девчонке, и тут в одну секунду просто сорвало, когда он увидел упругую попку, обтянутую розовыми трусиками, а потом маленькие грудки с ещё не острыми сосками. И все, пиздец, накрыло. Протяни руку и возьми, и он взял. В ушах словно шумело море, сквозь этот шум он слышал ее стоны и крики. Пара движений, и он уже в ней, ярко, остро, так, что хотелось выть. Кончал, наверное, целую вечность, сука.

Даже сейчас, лежа на кровати с закрытыми глазами с больной головой, он чувствовал, как возбуждается, как член снова наливается кровью.

«Черт».

Открыл глаза, посмотрел, Аня стояла к нему спиной, читала то, что на листке бумаги, вырванном из тетради, написал Грач.

«Молодец, друг, примчался сразу, как только его позвали, все боится за меня. Я благодарен ему, Грач – молодец, терпила, каких мало, одному ему удастся меня выносить, да и спасать временами».

– Так, посмотрим, что тут доктор прописал.

Аня набрала из ампулы в шприц лекарство, повернулась к Артему и с загадочным видом посмотрела на него.

– Поворачивайся, подставляй зад, теперь моя очередь.

«Точно стервочка, маленькая стервозная кошечка».

Глава 10

Он заснул почти сразу, как были выпиты все таблетки и поставлены уколы. Даже не обжигал больше Аню взглядом своих темных глаз. Она вышла из комнаты, тихо прикрыла дверь и облокотилась о стену. Даже не могла на него злиться, когда он в таком состоянии, большой, беспомощный, молчаливый. Вот его молчание напрягало больше всего.

Не то чтобы Аня хотела с ним поговорить по душам или узнать, что же с ним случилось, а вообще, надо как-то общаться, хоть минимум слов и фраз для совместного существования в эти дни. Но, видимо, даже этого минимума не будет.

В заботах прошел день, дождь наконец закончился, можно было собрать ягоды. Наступил вечер, соседские мальчишки с шумом проезжали мимо окон, а дверь комнаты резко открылась, и, загораживая почти весь ее проем, возникла мощная фигура Артема. У Ани так и замерла рука с ягодой около губ.

Сонный, хмурый взгляд, взъерошенные волосы, и снова в одних плавках, хотя она положила ему его чистую одежду. Но, видимо, в плавках ему привычней.

Первое, что увидел Артем, выйдя из комнаты, то, как девушка ела ягоду. Крупная красная малина соприкасалась с ее влажными губами, она, словно в замедленной съемке, открывала их, а потом облизывала, прожевав ягодку.

«Молотов, очнись, ты так скоро станешь маньяком».

Девушка что-то говорила, а он смотрел только на ее губы. Чувствовал, что в плавках начинает оживать его член, потянулся, поправили его рукой.

– Артем! Ты меня слышишь? Я тебе задаю вопросы, а ты начинаешь себя трогать.

Аня соскочила с места, развернулась, уронила со стола ложку, та улетела далеко под стол. Она тут же полезла ее доставать, нагнувшись так, что под тонкими, облегающими круглую попку штанишками были видны очертания трусиков.

«Ух ты!»

– Я спрашиваю, как ты себя чувствуешь?

Аня достала ложку и вопросительно посмотрела на мужчину, стараясь не опускать взгляд ниже его груди.

– Голова болит, кружится?

Артем отрицательно покачал головой.

– Иди в баню, она по дорожке, ты увидишь, там полотенце я оставила, тебе надо помыться и смыть кровь с головы. Ты справишься сам?

Артем пожал печами.

– Пойдем, я тебя провожу, а потом поужинаешь и примешь таблетки. Твой друг дал мне четкие указания. И никаких резких движений, ты понял?

«Она что, училкой работает? Представляю ее в черной узкой юбке, белой блузке, на высоких каблуках. О, Молотов, все, надо не сотряс лечить, а идти к мозгоправу, как Грач советует давно. А он давно его посылает в другое место».

– Пойдем, чего ты застыл? Вот, обуйся.

Обувь – чьи-то разношенные калоши, Артем посмотрел на них, надел и направился по уложенной тротуарной плиткой дорожке за девушкой к бане.

Внутри было не так жарко, Артем сел на нагретую лавку, облокотился на стену и прикрыл глаза.

Его жизнь могла закончиться, по всем срокам, давно, еще тогда, на заметенной снегом трассе. А он уже два года продолжает испытывать эту жизнь и себя на прочность, постоянно выигрывая. Судьба словно играет с ним в поддавки, каждый раз лишь смеется в лицо, а он скрипит зубами, потому что сказать ничего не может, и снова кидает ей вызов.

Парни, наверное, потеряли его, хотя Марат не поднимет кипиш, его шеф и не настолько пропадавал, хоть на него можно положиться. Что же было тем вечером, что же случилось в промежутке между полночью и двумя пятнадцатью ночи? Черт, словно провал в памяти, чем его так накачали? Вот бы накачаться так, чтоб не помнить эти два года. Но Грач, птица его верная, талисман ходячий, достанет его хоть откуда.

Мышцы в тепле расслабились, даже спина перестала ныть, Артем налил воды в таз, разбавил холодной, умылся, намочил волосы, намылил их тем же мылом, которым умывался, слишком резко сдвинулся на лавке, таз с водой упал с грохотом на пол.

– Что случилось?

К нему тут же влетела Аня, она так и осталась на улице, понимая, что мужчине может стать плохо, как тогда, когда она застала его на веранде, выворачивающего свой желудок в ведро. Не понимая почему, но она осталась, хотя могла уйти, заняться своими делами. Волновалась? Переживала? Ну, что себя обманывать, да, было такое.

- Подожди, сейчас я тебе помогу, сиди на месте.

Девушка подняла таз, вновь налила в него воды, стараясь не смотреть на обнаженного мужчину, она встала чуть дальше, но у его раздвинутых ног, и начала поливать его из ковша, смывая пену с волос и лица. В одежде было жарко, футболка моментально прилипла к телу, леггинсы намокли.

- Не открывай глаза, а то попадет мыло.

Артем не открывал, он лишь чувствовал Анины пальчики на волосах, она массировала кожу головы, отчего хотелось урчать довольным котом. Его руки сами собой потянулись к девушке, большие ладони обхватили тонкую талию, сжали ее. Пальцы девушки замерли, из ковша перестала литься вода.

- Артем, не надо. Не играй так.

Он открыл глаза, встретился с зеленым взглядом Аниных глаз, сразу запахло свежестью и листвой. Еще сильнее сдавил ее талию, руки быстро заскользили по спине, притянули к себе за шею, зарываясь в волосы. Его губы совсем близко, его ладони обжигают, взгляд парализует. Аня смотрит неотрывно на его губы, приоткрывает свои, резкий вздох, горло сушит, хочется пить, и она целует его сама.

Движения, всхлипы, вздохи. Футболка летит на мокрый пол, обнажая грудь девушки. Рука скользит по ребрам, накрывая ее, она идеально ложится в его ладонь.

«Черт, она правда идеальна».

Вбирает сосок в рот жадным поцелуем, второй сжимает, выкручивая пальцами. Аня подается вперед, опускает глаза, смотрит, как Артем до боли ласкает ее ставшую такой чувствительной грудь. Его руки стягивают с нее оставшуюся одежду, снова его рот накрывает ее губы, и Аня оказывается на коленях мужчины с широко раздвинутыми ногами, максимально открытая для ласк.

Артем проскользил пальцами между гладких складочек ее половых губ, задевая и царапая ногтями клитор, закружил по нему, отчего Аня протяжно застонала,

заерзала на коленях.

«Черт, какая же девочка горячая и влажная. Кончу, наверное, только от того, что просто касаюсь ее».

Мужчина ласкал клитор, дразнил вход во влагалище, продолжая целовать девушку. Вновь нашел набухший сосок, прикусил, Аня закричала, давление на клитор увеличилось, он безжалостно натирал его большим пальцем, пока сосал грудь. Аня напряглась всем телом, бедра задрожали, дыхание стало сбивчивым. Оргазм неизбежно накрывал ее, она сжимала ноги, тело трясло.

- Артем, не могу больше, Артем... а-а-а-а... пожалуйста... а-а-а-а...

«Охренеть, твою же мать, вот это девочка. Кончай, сладкая».

Сильнее давит на клитор, впиваясь в губы, глотая ее крики, Аня кончает, но тут же два пальца вонзаются в ее влагалище, резкие, но неглубокие толчки. Аню снова трясет, следом накрывает второй оргазм, она кончает на пальцах Артема, выбрасывая струю жидкости, сквиртуя, теряясь в своих ощущениях.

«Будь я проклят, откуда же ты такая взялась, девочка? Сука, сейчас взорвусь сам только от одного ее оргазма на своих пальцах».

Глава 11

Ночь была теплой и безоблачной, небо было чистым, а звезды яркими, или, может, Ане это только казалось. А еще было очень тихо, молчали соседские собаки, лишь где-то в кустах стрекотали сверчки.

Сидя на крыльце, девушка выпустила струйку сигаретного дыма в это ночное небо, рассматривая звезды. Вроде и не курит, так чтоб это было вредной привычкой, но иногда хочется хоть на миг расслабиться, одурманить мозг никотином, ни о чем не думая.

Вот и сейчас Аня уговаривала себя ни о чем не думать, не давать оценку своему поведению и действиям. О поведении Артема можно было и не думать совсем, там было все ясно и понятно, он мужчина, ему проще, захотел-взял, сплошные инстинкты, рефлексy. Если начать анализировать и размышлять, то ни к чему хорошему в своих мыслях она не придет.

Начнет сама себе выедать мозг, гнобить и корить, что расслабилась, повела себя как шлюха. Хотя шлюха – звучит слишком грубо, Аню аж передернуло от этого слова. Что позволила первому встречному, совершенно незнакомому мужику воспользоваться моментом, ситуацией, а она слишком вяло сопротивлялась, так что он и не заметил. Потом еще вlepила пощечину, мол, обиженная, господи, дура такая.

Как тогда сказала мать: «Ну что, позволила этому сопляку так быстро затащить себя в койку и попользоваться? Так вот, знай, так теперь будет поступать каждый». Тогда эти слова резали по живому, но она даже не пыталась доказать, что все было не так, ее матери бесполезно что-либо доказывать.

В любом случае, все это было давно, но в голове просто отпечатались те слова, то клеймо, которое на ней поставила родная мать. И потом к любому мужчине, который оказывал ей знаки внимания, Аня присматривалась слишком долго, тщательно прощупывала и думала над предложением сходить на свидание или провести вместе время. Пока она этим занималась, у мужчины пропадал интерес и желание добиваться ее дальше.

Будто она матери доказывала, что ей никто не пользовался и не пользуется. Что она сама принимает решения и позволяет быть рядом. Но этот мужчина брал, не спрашивая, брал так, что она не могла оттолкнуть его и отказать. Он просто подходил, прижимал к себе, не говоря ни слова, Аня чувствовала, как от нетерпения его руки до боли сжимали ее тело, как поцелуи обжигали кожу, как он хотел ее – здесь и сейчас.

От воспоминаний, что произошло в бане, по коже побежали мурашки. Аня никогда не испытывала такого, словно Артем в ее теле переключил тумблер, он знал, куда целовать, где ласкать, как давить, дразнить и доводить до экстаза, так что перед глазами были цветные круги. Она словно сорвалась с цепи, на которую сама себя посадила, содрогалась, трепетала, пульсировала на его пальцах.

А потом, когда он одним резким движением посадил ее на свой член, закричала, вцепилась ногтями в мощные плечи, царапая, сама насаживаясь глубже. Ее держали под ягодицы, Артем насаживал, растягивая ее лоно, до синяков впиваясь в кожу. А когда Аня окончательно потерялась в ощущениях, он неожиданно вышел из нее, приподняв, проводя по своему члену рукой, кончая, крепко прижимая девушку к себе.

После этого Аня молчала, не хотелось ничего говорить, да и пощечина была бы совершенно неуместна. Молчали оба. Так же молча домылись, Артем не делал резких движений, Аня же старалась не смотреть в его сторону. Отчасти было стыдно, что он мог подумать о ней плохо, принять за доступную и безотказную, хотя строила из себя такую гордую и независимую.

Отчасти за то, что так откровенно отдавалась, шептала, просила еще. Господи, она снова краснела, словно ей шестнадцать, и мальчик пригласил ее в кино, с той лишь разницей, что мальчик сейчас ее так хорошо «отжарил» – и снова спасибо ее напарнице Людке за словарный запас.

Они так же молча поужинали, хотя Артем неотрывно наблюдал за ней, Аня чувствовала его взгляд, но делала вид, что не замечает. А он, словно специально, смотрел, прожигая на ней дыру.

– Иди в комнату, я уберу посуду и поставлю уколы.

Артем не сдвинулся с места, но когда Аня попыталась встать и потянулась за его тарелкой, схватил за руку, она замерла, глядя на нее, потом ему в глаза. Хорошо, что в них не было наглой усмешки и этой дурацкой ухмылки, а то точно эта тарелка полетела бы ему в лоб.

Артем встал, ушел в комнату, пришел с тетрадкой и ручкой.

«Что не так?» – было написано на листке.

– Все нормально. Все так.

«Я тебя обидел?»

Аня усмехнулась, собрала посуду со стола, отнесла к раковине.

– Нет, Артем, ты меня не обидел. Просто я не привыкла к такому, что ли, быстрому, слишком быстрому развитию событий. Я не знаю, как реагировать, я согласилась присмотреть за тобой, но...

«Тебе было хорошо?»

Аня обернулась и прочитала то, что ей показал Артем. О да, ей было очень хорошо, безумно хорошо, так хорошо ей не было никогда в жизни. Но этого всего она, конечно, не сказала.

– Иди в комнату, я скоро приду.

Мужчина хотел еще что-то написать, но у Ани зазвонил телефон, она взяла его со стола, посмотрела на экран, узнала номер доктора Дмитрия Грача.

– Да, я вас слушаю. Добрый вечер, Дмитрий. Да, все хорошо, наш больной помылся, покушал, сейчас будем ставить уколы и принимать лекарства – все, как доктор прописал.

Аня засмеялась, услышав ответ, потом еще долго что-то слушала, улыбаясь, а Артем, вглядываясь в лицо девушки, пытался понять, что там поет ей эта птица Грач. Потом взял ручку и начал быстро писать на листке, но бросил, потянул девушку за руку, Аня обернулась.

– Дмитрий, тут Артем хочет вас услышать, передаю ему трубку.

– Ну как ты там, Молотов, хорошо устроился? Знаю, что хорошо, Аня о тебе позаботится, беспомощность ты моя. Нашли твою машину, угадай, где? Ни за что не догадаешься, у тебя во дворе. Консьерж говорит, что не видел, как ты приехал и поднялся в квартиру, на машину обратил внимание рано утром. Твою тачку только слепой не заметит. И я прошу тебя, Молотов, не обижай девушку и не психуй сейчас, знаю я твои закидоны. Парням твоим я не звонил, напиши им, чтоб не подавали в розыск, как в тот раз. Отбой.

Аня стояла совсем рядом и все слышала. Интересно как, значит, Артему так не впервой пропадать, и с машиной тоже странная история. Хотя это совершенно не Анино дело, три дня – и его заберут, завершится ее отпуск, приедет Вадимка, все потрясения закончатся, жизнь станет прежней.

Поставив мужчине укол, дав таблетки, Аня долго не могла уснуть, ей было то жарко, то душно, то хотелось пить, а потом еще и курить. Не удержавшись, накинула на плечи платок, вышла, села на крыльцо и закурила. Тишина, яркие звезды, ночь была волшебной, грех портить ее мрачными мыслями.

Заскрипели половицы, Артем подошел, остановился сзади, присел на корточки, забрал из ее пальцев сигарету, глубоко затянулся несколько раз. Аня неотрывно смотрела на сильные пальцы, что обхватывали фильтр, на то, как напрягалась его шея, втягивались щеки. Он курил красиво, так по-мужски, зажав сигарету большим и указательным пальцами.

Дым поднимался в чистое небо, Аня вдыхала его, молчала, наблюдая за мужчиной. Сигарета полетела в кусты, обрисовав в воздухе красивую красную дугу. А потом он резко потянул ее вверх, подбросил на руки и понес в дом.

Глава 12

Но до спальни Артем ее так и не донес. Аня даже не поняла, что произошло, мужчина просто замер на месте, так и не успев переступить порог дома. Он повернул голову к двери, словно прислушиваясь, что происходит там, за ней. Медленно опустил Аню на пол, все так же прижимая к себе.

– Что случилось, Артем?

Он накрыл ее губы рукой и снова замер, прислушиваясь. Аня сама услышала звук работающего мотора автомобиля. Он был где-то совсем близко, но даже сквозь стекла веранды не было видно огней подъезжающего авто. Домик стоял последним в переулке, у самого леса, и дорога, ведущая сюда, была тупиковая.

Но странно, Аня даже не обратила внимания на то, что над их калиткой не горит фонарь, который до этого всегда горел. Наверное, слишком задумалась и засмотрелась на яркие звезды. Теме временем шум прекратился, видимо, машина остановилась, но никто не спешил выходить из нее.

«И что это у нас за неожиданные гости? Не по мою ли душу? Но как меня могли найти? Ведь никто не знает, кроме Грача, но я за него ручаюсь, как за себя. Аня, Анечка, Анюта, могла ли она кому-то сказать?»

Стоя так в кромешной тишине и темноте, он приподнял лицо Ани, вглядываясь в него, проводя пальцами по скулам, обводя контур губ.

«Да нет, не могла она, быть того не может. Это все Татарин, сука паскудная, спит и видит, как снять меня с заездов. И все это представление наверняка его рук дело. Но как я попал в клуб, кого там встретил, кто меня опоил, вот это ребус, но ничего, еще разберемся».

Артем пытался сосредоточиться, но делать это и одновременно прижимать к себе девушку было трудно. Он ждал, что хлопнет одна или две двери автомобиля, тогда будет понятно, сколько ждать гостей. Тогда надо уводить Аню или прятать, черт, вот сейчас он начинал реально жалеть, что не послушал совета Грача и не пошел к мозгоправу, ведь его молчание – это чисто на уровне психики, так ему объяснили.

Он сейчас хотя бы мог сказать Ане, чтоб спряталась в погреб, а он наверняка должен быть в таком доме. Или чтобы незаметно закрылась в бане, на крайняк хоть в шкаф или под кровать, а лучше бежать отсюда и звать на помощь, если он не сможет справиться один с этими ребятами. Кто знает, что там у них, биты или стволы?

– Ты думаешь, это к нам?

Аня шептала почти в его грудь, обдавая жарким дыханием, шептала очень тихо, но он ее слышал и лишь пожал плечами.

– Никто не вышел, да? Но они и не уехали.

«Молодец, Анечка, сообразительная девочка. И не паникует».

Артем кивнул, она уловила это движение, сразу стало страшно, и вспотели ладошки, она обхватила мужчину за талию и сама прижалась к нему сильнее. Стук его сердца был ровным, он успокаивал, а еще он накрыл ее голову рукой, гладил, перебирая короткие пряди волос, продолжая прислушиваться.

- Не ходи, пожалуйста, туда.

Она словно прочитала его мысли, Артем и правда хотел пойти и посмотреть на гостей, хотя бы машину и номер запомнить. Конечно, глупо было идти вот прямо так, в одних трусах, с голыми руками, но стоять и чего-то ждать было совсем невыносимо.

И тут они отчетливо услышали шаги, совсем рядом, Аню пробила дрожь, она сама не знала, чего боится, но страх словно липкими мерзкими руками схватил за горло. Шаги прошли мимо веранды, свернули за дом. Аня практически не дышала, сама того не замечая, вцепилась в руки Артема, впиваясь в кожу ногтями.

- Говорю тебе, нет никого или спят все. Как мы узнаем, здесь он или нет?

- Бабка именно про этот дом говорила, рассказывая на остановке в деревне, тут был здоровый мужик с рисунком почти на всю ногу.

Два голоса за стеклами веранды переговаривались громким шепотом.

- Нас послали узнать, где Молот, а не лезть его искать. Какого хера мы приперлись сюда? А если он сейчас выйдет и даст нам по башке? Ты что, Молота не знаешь, он чистый псих!

- Да не ссы ты. Или хочешь лес прочесывать?

- Все, пошли отсюда, пока хозяева не проснулись и не вызвали полицию, скажем, как та бабка.

Артем прижал почти не дышавшую Аню сильнее, снова прикрыл ей рот ладонью и пнул стоящее на полу ведро, оно с грохотом покатилося, ударилось о дверь, с улицы слышались быстрые удаляющиеся шаги, шум мотора, даже зажглись фары, и залаяли собаки. Их гости быстро покидали дачный поселок.

«Гниды трусливые, ну Татарин, доберусь я до тебя и твоих крыс, только девочку напугали».

Хорошо, что он зажал ей рот, иначе бы она точно закричала, но сейчас, убрав его руку со своих губ, глубоко вздохнула, толкнула Артема в грудь, чтоб отошел от двери, и быстро зашла в дом.

Девушку трясло от пережитого страха и негодования. Она не знала, что думать в тот момент, когда услышала тех странных людей, забравшихся так тихо на участок. А если бы они дернули дверь веранды, ведь она была не заперта. Их что, убили бы сразу или пытали бы для начала? Господи, какой-то дешевый боевик.

Руки тряслись, она не могла налить в стакан воды из чайника. Свет так и не включила, хотя бояться было уже некого и нечего, только себя и свою реакцию на произошедшее. Аня жадно пила воду, она стекала по подбородку холодной струйкой, нервно стирала ее ладонью.

– Они искали тебя, да? Ты что, какой-то бандит? Почему тебя ищут? Да с кем я говорю, все равно не ответишь.

Аня говорила, не оборачиваясь, потому что чувствовала, что Артем стоит позади нее. Она тяжело вздохнула и замолчала, когда он уткнулся лбом ей в макушку, обхватив руками талию.

– И не подлизывайся, я испугалась до смерти. Представила, что нас сейчас убьют и расчленят, закопают или раскидают по лесу. А потом, когда хватятся, то наши останки уже обглодают дикие звери. Хотя нет, тут нет диких зверей. Мы просто будем тухнуть по всему лесу, так что, когда нас найдут собаки, собирать будет нечего.

«Забавная малышка, навывдумывала кучу всего, испугалась, кошка. Бандит? Да какой из меня бандит?»

Аня, когда сильно волновалась, то несла все подряд, чтоб хоть как-то успокоить себя, даже Вадимка над ней всегда смеялся, когда она начинала тараторить, но тут, видимо, ее фантазия сильно разыгралась.

Так некстати вспомнила сына, как же он будет без нее, совсем один? Ей никак нельзя быть расчленённой бандитами. А еще Вадим точно так же, как сейчас Артем, извинялся или хотел попросить прощения. Просто подходил, молча обнимал ее сзади и сопел, не говоря ни слова.

– Я очень испугалась, – Аня вздохнула и откинулась назад, на грудь Артема. – Значит, Молота все боятся? Знала бы, что ты вселяешь в людей такой ужас, не залепила бы пощечину.

Договорить дальше ей не дали, мужчина снова подхватил ее на руки и понес в спальню.

– Эй, товарищ бандит, мы так не договаривалась!

Артем бросил ее на свою постель, навалился сверху, удерживая свой вес руками, кровать жалобно заскрипела, явно не привыкшая к такой нагрузке. Он целовал, но не как тогда, с напором и голодом. Сейчас он решил свести ее с ума, тягуче, сладко, нежно, растягивая поцелуи так, что не хватало воздуха.

Аня задыхалась уже от поцелуев, чувствовала, как платок и ее белье летят в сторону, как сильные руки подминают под себя, как твёрдая плоть растягивает ее лоно. Как у нее перед глазами вспыхивали яркие звезды – ярче тех, что она видела на небе ночью.

Глава 13

Артем проснулся от яркого солнечного света. Открыл глаза, потер лицо и уставился в потолок. Он в который раз ловил себя на мысли, что совершенно перестает соображать, находясь рядом с этой девушкой. Все рациональные, холодные мысли таяли под взглядом ее зеленых глаз, а мозг плавился.

«Думай, Молотов, думай. Только думай не членом, а головой. Я вышел из зала, я точно был в зале, еще опять в сотый раз свело мышцу бедра. Написал Макар, поехал к нему на Высоцкого, было еще светло на улице. Мои раздолбаи снова заказали не те запчасти, и три машины просто так простаивали, причем именно те, которые Макар божился сдать ровно в срок. Оттуда мы вместе поехали в клуб на моей машине. Какого хрена я вообще туда поперся? А, мой чудо-управляющий Макарка был без тачки, а мне как бы все равно по пути. Ну, вот, подвез. Зачем я поперся в клуб?»

Ничего не придумав, Артем встал, надел белье. При воспоминании о прошедшей ночи улыбнулся, член моментально среагировал. Он не помнит, когда его последний раз так вело от секса, причем кидало из крайности в крайность.

Он, то медленно, мучительно долго целовал ее тело, засасывал эти острые сосочки, слушал стоны, тихий шепот и просьбы. То, словно одержимый, ставил Аню на колени и вбивался членом в ее истекающее лоно, растирая колечко ануса и уже слушая крики и всхлипы.

«Может быть, встретиться с ней потом, в городе? После того, как разгребу все это дерьмо. Хотя дерьма в моей жизни хватает сполна и без этого ебучего случая. Стоит ли еще кого-то втягивать в свою жизнь? Подвергать опасности, терпеть характер, выносить закидоны?»

Выйдя на крыльцо и прикрыв глаза ладонью от яркого солнца, Артем увидел Аню, она стояла около забора в кустах смородины, собирая переспевшую ягоду в маленькое ведерко. На ней был верх от купальника и короткие джинсовые шортики. Мужчина прошелся взглядом по ее упругой попке, животу, груди, шее, остановился на губах. Аня как раз взяла ягодку, обхватив ее губами, подставила лицо солнцу и закрыла глаза.

В волосах, которые на солнце отливали арктическим снегом, играли солнечные блики. Она прикусила губу, чуть наклонила голову, улыбнулась, видимо, что-то вспоминая, Артем улыбнулся тоже. По его телу разлилось тепло, на миг сердце наполнилось жаром.

– Анечка, здравствуйте.

От звонкого голоса соседки что Артем, что Аня вздрогнули одновременно, девушка резко распахнула глаза и посмотрела на ту сторону забора.

– Здравствуйте, Мария Степановна.

– Как ваш брат, все хорошо?

– Какой брат? – Аня не поняла, о чем ее спрашивают.

– Ну, как же, ваш брат двоюродный, Артем.

Мария Степановна махнула в сторону крыльца, Аня обернулась, там как раз стоял Артем, облокотившись на стену, и смотрел в их сторону. Как всегда, в одних боксерах, с этой огромной татуировкой молота, высекающего искры, которая на свету была еще ярче.

– А, с братиком все прекрасно, как видите. Все никак не могу приучить ходить по дому и при посторонних не в одних трусах. Пряма беда какая-то, не посоветуете, как это сделать?

Мария Степановна, видимо, что-то еще хотела спросить, но, открыв рот, так ничего не смогла из себя выдать. Моргнула пару раз и снова уставилась на Артема.

«Вот же сучка какая, кошечка, так и нарывается на наказание за свой острый язычок».

Артем улыбнулся, но от этой улыбки по спине Ани побежали мурашки. Ее тело все еще помнило то, что с ним вытворял этот мужчина, как его руки сдавливали до хруста костей, как его губы жадно целовали, зубы кусали, а язык зализывал, а потом вылизывал ее в самых интимных местах, ей стало жарко.

– Мария Степановна, вы ничего не слышали необычного ночью? Я встала, чтоб проверить, закрыла ли дверь на замок, а то все из головы вылетает, а после того случая, когда вы наткнулись с утра на братишку и испытали душевное потрясение, приходится проверять. Так вот, я пошла и услышала шум мотора машины, тихо выглянула и заметила на вашем участке две темные фигуры.

– Да ты что?!

– Я еще пригляделась, думала, может, внучок ваш с друзьями, но нет, фигуры двигались тихо, словно крались.

– Ох, боже мой, – Мария Степановна схватилась за сердце и присела на низкий табурет для сбора ягоды, что стоял под кустом смородины.

– Я вот что подумала, может, вы кому-то рассказывали, что уезжаете, или что-то вообще рассказывали знакомым? Ну, мало ли, вроде стоишь, с подружкой разговариваешь, а кто-то совсем рядом все слышат, запоминает, а потом ночью крадется на участок, хочет ограбить, а то и того хуже, поджечь. Я слышала в криминальных новостях, на что только не пойдут мошенники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dashkova_ol-ga/molot

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)